

© 2000 г. Б. КОМРИ

**ЯЗЫК И ДОИСТОРИЯ:
К МНОГОДИСЦИПЛИНАРНОМУ ПОДХОДУ**

1. Введение.

Цель настоящей статьи – представить краткий очерк программы междисциплинарного подхода (включающего и лингвистику) к проблемам доистории человечества, среди которых особое внимание уделяется географическому расселению и разбросанности человеческих популяций.

Нельзя не отметить, что одной из основных причин моего решения наметить основные положения данной программы является моя деятельность в новом институте эволюционной антропологии Макса Планка, основанном в 1997 г. в Лейпциге. К основным направлениям работы института относится изучение природы и истории разнообразия человеческих рас. Это изучение должно проводиться с точки зрения различных наук – естественных, социальных и гуманитарных. Возглавляемая мною в институте лингвистическая группа установила сотрудничество с группой, занимающейся решением проблем генетики, в особенности такой проблемой, как биолого-генетические основания расселения человеческих популяций в доисторические периоды. Таким образом, данный очерк – это представление той работы, которую мы бы хотели провести, сотрудничая с другими институтами.

2. Лингвистические основания.

В то время как лингвисты, занимающиеся историческим языкознанием, в общем знакомы со вкладом лингвистики в решение вопросов доистории человечества, сущность лингвистического основания данной проблемы часто не совсем ясна тем, кто далек от лингвистики. Поскольку одной из моих задач в данной статье является набросок программы, разработка которой включала бы как лингвистов, так и нелингвистов, я считаю важным прояснить вклад лингвистики в решение вышеназванных вопросов.

2.1. Сравнительный метод.

Одним из крупнейших достижений языкознания XIX в. стала возможность доказать и показать, что два и более языка произошли от общего языка-предка, т.е. что в какой-то момент единый протоязык распался на некоторое количество языков-потомков. Эта возможность появилась благодаря обнаружению и анализу некоторого рода общностей между языками. Представленная методология выступает как полностью лингвистическая, что является наглядным примером вклада лингвистики в решение проблемы, связанной с доисторией человечества. Я не стану приводить в качестве иллюстраций знакомые примеры из индоевропейской языковой семьи, а возьму более интересный пример. Когда первые путешественники на Мадагаскар сравнили малагасийский, язык этого острова, с языками большинства островов, простирающихся от юго-западной Азии через Тихий океан, то они заметили поразительные сходства, которые не могли быть случайными и едва ли могли относиться к заимствованиям при расстоянии в 8000 км.

Некоторые примеры сходства между малагасийским и индонезийским даны ниже (Примечание: в малагасийском орфографическое "o" произносится как [i:]).

aho aku 'я'

folo puluh 'десять'

volana bulan 'луна'

vato batu 'камень'

lahu laki 'человек'

taona tahun 'год'

Эти сходства были замечены по крайней мере уже в XVI в., и последующие более детальные исследования [Dahl 1951] ясно показали, что малагасийский особенно близко соотносится с языками барито Южного Борнео (Калимантан). При расстоянии между Мадагаскаром и Южным Борнео, или даже между Мадагаскаром и самой западной оконечностью австронезийско-язычной территории на северо-западе Суматры – результат поразительный. До сих пор эти лингвистические данные являются наиболее достоверными. Это как раз тот случай, когда лингвистические данные и только они были достаточными, чтобы установить связь между двумя географически удаленными друг от друга народностями. С тех пор указанные лингвистические данные были подтверждены этнографическими и биологическими сведениями, к некоторым из которых мы вернемся в разделах 3 и 5.

2.2. Топонимика.

Коротко хотелось бы упомянуть две другие области, где лингвистика традиционно способна сделать вклад в предысторию. Одна из них – топонимия, рассматриваемая в этой части, другая – лингвистическая палеонтология, рассматриваемая в разделе 2.3.

Известно, что когда одни народности захватывают территории, прежде заселенные другими народностями, то названия местностей (топонимы), используемые первоначальными поселенцами, чаще всего сохраняются и новыми поселенцами. Поразительным примером этого на протяжении истории является тот факт, что многие топонимы в Северной Америке имеют индейское происхождение, включая названия таких больших городов, как Чикаго и Оттава, оба алгонкинского происхождения. Топонимические свидетельства о раннем славяноязычном населении на территории современной восточной Германии детально документированы школами Лейпцигского университета и Саксонской Академии наук в Лейпциге. Поиск более ранних слоев топонимических данных для доказательства более раннего распределения населения во многом позволяет объяснить менее очевидные факты. В Японии, например, хорошо известно, что на самом северном острове Хоккайдо одна из ранних народностей (айну), до сих пор проживающая на острове, сохранила многие названия местностей, включая самый большой город острова Саппоро. Существует неоспоримый факт существования пласта топонимов айну, простирающегося по всей северной Японии до современного Токио.

2.3. Лингвистическая палеонтология.

Лингвистическая палеонтология является другим традиционным лингвистическим методом реконструкции доистории: речь идет о восстановлении запаса слов прото-языка, которое используется как свидетельство реконструкции особенностей культуры, ассоциирующейся с протоязыком. Например, если слово со значением "лошадь" может быть точно воспроизведено в протоязыке, то можно достоверно заключить, что общество, в котором говорили на протоязыке, было знакомо с лошастью. Классическим примером индоевропейского языкознания является то, что слова индоевропейского протоязыка могут быть реконструированы для родства мужа, но не для родства жены, что предполагает местную систему родства: жена, живя среди родственников мужа, нуждалась в словах для их обозначения, в то время как муж, не живущий среди родственников своей жены, не нуждался в словах для их обозначения. Если это может быть подтверждено свидетельствами других наук, таких как археология, этнография (см. раздел 4), то это может быть огромным вкладом лингвистики в реконструкцию доистории.

3. Лингвистика и генетика.

Одним из важных событий в изучении доисторического расселения населения в последние годы была попытка применения некоторых методов генетики. Публикации в этой области [Cavalli-Sforza, Luca Menozzi, Piazza 1994] включают подробное

перечисление географического распространения генетических маркеров и обсуждение их возможного соответствия с распространением языковых семей. Конечно, нельзя выявить полное соответствие между лингвистической и биолого-генетической классификациями. Гены передаются по наследству биологически, и никто не может изменить чьи-либо гены. В противоположность им передача языка – это процесс культуры: ребенок растет, говоря на языке окружающего общества, независимо от того, являются ли члены этого общества биологическими родственниками.

Известны случаи, где лингвистические и генетические классификации не совпадают. Один из самых ярких примеров – пример африканских пигмеев, которые в соответствии с их биологической генетикой отличаются от своих соседей не пигмеев, но тем не менее говорят на языках настоящих и бывших соседей не пигмеев, таких, как языки банту, языки Нигера и Конго, Нила и Сахары. Было бы, однако, безответственным предположить близкое соответствие между лингвистической и генетической классификацией. Действительно, одной из реальных перспектив объединения лингвистики и генетики, как было проиллюстрировано на примере с африканскими пигмеями, является возможность установления случаев, когда тот или иной народ вместо своего родного языка начинает говорить на другом. Удивительно, что самые, возможно, точные приложения взаимодействия между лингвистикой и генетикой – это несоответствия между лингвистической и генетической классификациями.

4. Лингвистика и другие дисциплины.

Конечно, имеется ряд других дисциплин, с которыми традиционно была связана лингвистика в поисках различных сторон предьстории человечества, очевидными свидетельствами чего являются археология и этнография. Этнография может снабдить нас свидетельствами культурного распространения, которые затем можно сравнить с образцами лингвистического распространения. Археология снабжает нас конкретным свидетельством, касающимся наличия в предьстории различных артефактов и технологий. Большой вклад в исследования могут внести и другие дисциплины, в частности биологическая генетика, использование положений которой открывает новые возможности. В последнее время, например, большое развитие получило взаимодействие между лингвистикой и археологией. Продолжая ранние работы Л. Кампбела и Т. Кауфмана, С. Вичман [Wichmann 1955] тщательно сравнивает результат своих лингвистических исследований по реконструкции прото-максе-зокского с предположениями Л. Кампбела и Т. Кауфмана (1976 г.). Последние считали, что реконструкция вскрывает удивительное совпадение с результатами археологических исследований культуры Олемика. В то время как С. Вичман считает, что определенные пункты в списке Л. Кампбела и Т. Кауфмана могут быть корректными (поскольку их нельзя приписать прото-максе-зокскому, но лишь прото-зокскому), он в то же время считает, что к списку Л. Кампбела и Т. Кауфмана можно добавить некоторые новые пункты, ведущие к следующему выводу: имеется достаточно свидетельств, чтобы отождествить олмеков с говорившими на прото-максе-зокском.

5. Проблемы и перспективы.

Я не считаю правильным утверждать, что интеграция разнообразных дисциплин в вышеописанном проекте возможна без каких-либо осложнений. Хотя изначально некоторые лингвисты были уверены, что последние данные генетики позволят с легкостью решать проблемы, над которыми ломали головы целые поколения лингвистов, в настоящее время такой подход уступил место более осторожной оценке. Я полагаю, что то же самое справедливо и в обратном смысле: специалисты по генетике в равной степени уверены в необходимости тщательного осмысления лингвистических данных, что особенно касается тех языковых групп, относительно которых правильность решения проблемы соотносительности подвергается критике большинством исследователей в области языкознания.

Следующий простой пример позволяет продемонстрировать возникающие проблемы. В разделе 2.1 отмечена однозначность лингвистических свидетельств, указывающих на то, что малагасийцы по географическому происхождению являются выходцами из Южного Борнео, в частности, у них имеется очень близкое языковое

родство с носителями языков барито. Малагасийское население подвергалось биологическим и генетическим обследованиям, в результате которых, как и ожидалось, было установлено значительное включение африканского генетического материала в их генофонд, что является следствием многовековых контактов. В то же время, однако, у малагасийцев сохранились явные генетические следы, восходящие к материалу, обнаруженному среди носителей языков Австронезии, на островах, считающихся родиной практически всех австронезийских языков. Но самое удивительное кроется в характере этих следов: они предполагают наличие близкого генетического родства между малагасийцами и полинезийцами в большей степени, чем между малагасийцами и жителями Южного Борнео. Здесь, таким образом, наблюдается частичное согласование данных языкознания и данных генетики относительно общности происхождения народов, говорящих на австронезийских языках. Это согласование является, тем не менее, только частичным, поскольку данные языкознания и данные генетики указывают на разные части австронезийского сообщества. До настоящего времени решение данного противоречия не найдено. Если такого рода противоречия возникают уже на относительно низших этапах генеалогического языкового древа, то сложность проблемы еще более увеличится при рассмотрении языков, представляющих более отдаленное родство, тем более в случаях сомнительности последнего.

Имеется и другая проблема, видимо, особенно характерная для некоторых Сибирских народов. Демографическая ситуация во многом определяет конкретные проблемы, которые необходимо решать генетикам при работе с малочисленным народом, долгое время проживавшим в относительной изоляции. В небольшой изолированной популяции может происходить довольно быстрое распространение доминантных признаков, что делает чрезвычайно затруднительным сопоставление такой популяции с какой-либо другой и восстановление их общей демографической истории. Новые доминантные признаки в каждой группе просто вытесняют те признаки, которые ранее могли бы быть общими для обеих групп. В то время как лингвисты не встречают особых сложностей при языковом соотнесении различных уральских, а в более узком смысле, финно-угорских народов Сибири, генетики испытывают значительные трудности в попытках распутать биологическую историю этих групп.

Но эти проблемы не подразумевают, что мы не можем сделать значительные успехи, применяя различные методы из перечисленных выше областей науки, прежде всего лингвистики и генетики, в исследовании проблем демографической истории народов Сибири. Нам необходимо продвигаться осторожно, аккуратно проводя различия между достаточно хорошо установленными параметрами и непроверенными предположениями, которые могут хорошо послужить в качестве рабочих гипотез, но могут стать опасными, если относиться к ним как к общепринятым научным истинам. Даже если преимущество только этого взаимодействия дисциплин давало бы нам возможность выделить случаи изменения в языке (перемещения, чередования), это был бы явный упрек относительно более ранних методологий, на которые необходимо опираться при субъективных оценках фактов. Возможная перспектива развития нашего знания предистории народов Сибири означает, что этот междисциплинарный подход может оказаться весьма плодотворным*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Cavalli-Sforza L., Luca P.M., Piazza A.* 1994 – The history and geography of human genes. Princeton, 1994.
- Dahl O.Chr.* 1951 – *Malgache et Maanjan. Une comparaison linguistique.* Oslo, 1951.
- Wichmann S.* 1995 – The relationship among the Mixe-Zoquean languages of Mexico. Salt Lake City, 1995.

* Выражаю благодарность Манфреду Кайзеру, Свантэ Паабо и Марку Стоункин за обсуждение по биологической генетике уральско- и австронезийскоговорящих народов, и Куоко Мурасаки за сведения об айну и японских названиях местностей. Они не несут ответственности за использование мною этого материала.